

К ВОПРОСУ О СТОЛИЦЕ КИДАРИТОВ

В 1946—1948 гг. автором предлагаемого сообщения, по поручению Института истории и археологии Академии наук Уз. ССР, велись разведочные археологические работы в Каршинском оазисе³.

В течение трех кампаний весь оазис был пересечен сетью разведочных маршрутов, на некоторых из памятников были проведены небольшие раскопки. Материалы археологических разведок частично уже опубликованы⁴. Цель настоящего сообщения — дать некоторые сведения об одном из наиболее значительных памятников оазиса — городище Ер-курган, и установить, развалинами какого города древности является это городище⁵.

Городище Ер-курган, находящееся в 10 км к северо-западу от г. Карши, занимает площадь около 150 га; длина его по оси с северо-запада на юго-восток равна примерно 1,5 км, ширина—1,2 км; это — одно из наиболее крупных городищ оазиса и развалины его единственного города эпохи рабовладельческого строя. Границы городища (см. рис. 1) четко определены валом длиной около 4,5 км. Центральную часть горо-

¹ Н. Я. Б и ч у р и н, Собрание, . . . стр. 78.

² Там же, стр. 60, 76, 90, 91, 125.

³ Имеются в виду поливные и условно-поливные земли Каршинского, Кассанского и Бешкентского районов Уз. ССР, питаемые водами реки Кашка-Дарья, площадью около 2000 км².

⁴ С. К. К а б а н о в, Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе, «Труды Института истории и археологии АН Уз. ССР. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана», т. II, Ташкент, 1950, стр. 82—133.

⁵ А. И. Т е р е н о ж к и н в своем предварительном сообщении (Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекистана, ВДИ, 1947, № 2, стр. 187) посвятил несколько строк этому памятнику.

дища окружают сравнительно хорошо сохранившиеся глинобитные стены с отчетливо выделяющимися башенными выступами. Материалы раскопок, поставленные в связь с топографией городища и дополненные керамикой из подъемного материала дали возможность наметить два основных этапа развития древнего города.

В древнейший период город состоял из нескольких крупных жилых массивов, окруженных общими стенами, развалинами которых в некоторой части является внешний вал; наиболее плотно была заселена южная часть города. Во второй период в жизни города произошли крупные изменения, большая его часть оказалась заброшенной. В центре была огорожена площадь свыше 40 га новыми стенами, внутри которых город продолжал развиваться на древних развалинах. Оба периода в жизни города удалось датировать в широких хронологических рамках посредством сравнительного анализа керамических находок¹. Керамика нижнего культурного слоя, соответствующая первому периоду в жизни города, находит свои аналогии преимущественно в материалах Самарканда II в. до н. э.— II в. н. э.; керамика верхнего слоя датируется на основе аналогии с материалами Тертеза и Айртама III—V вв. н. э.

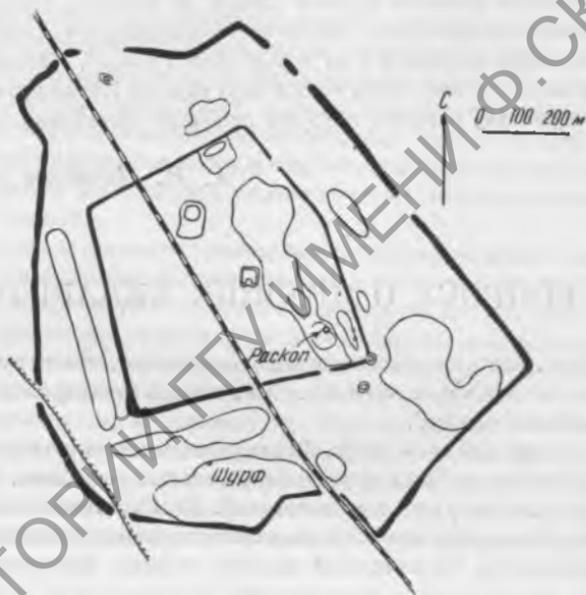

Рис. 1. Схематический план городища Ер-курган

Нижний слой находится на поверхности в промежутке между внутренними стенами и наружным валом; здесь, в южной части городища, на одном из бугров был заложен шурф, в котором найден довольно большой комплекс очень характерной керамики. Наиболее выразительны фрагменты кубка в разрезе с колечатым перегибом корпуса и фрагменты кубков на высоких ножках, подобные найденным А. И. Тереножкиным на Афросиабе². Сосуды покрыты красным лакообразным или гляцевитым светло-желтым составом. Найденны фрагменты сосудов с плотным черным ангобом; среди подъемного материала встречаются обломки сосудов с признаками черного лощения. Близость керамики Афросиаба и Ер-кургана подтверждает положение, что долины реки Кашка-дарья являлась частью Согды.

¹ С. К. Кабанов, Археологические работы 1948 г..., стр. 116—131.

² А. И. Тереножкин, Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда, ВДИ, 1947, № 4, стр. 129.

В раскопе, заложенном в черте внутренних стен, в отложениях верхнего культурного слоя, наиболее интересной находкой оказалась гончарная печь с большим количеством найденной возле нее керамики. Своеобразие конструкции печи состоит в том, что топка и обжигательная камера расположены рядом (рис. 2), и, следовательно, планировка была придана горизонтальное направление¹. Найденная возле печи керамика почти исключительно тонкостенная: несомненно, печь предназначалась только для обжига тонкостенных сосудов и, быть может, изделий прикладного искусства. Из сосудов наиболее характерными являются чаши (рис. 3), покрытые красным ангобом; фрагменты подобных чаш были найдены в развалинах древнего Термеза и монетной находкой датированы III в. н. э.² Сосудов с красным или черным лощением в комплексе гончарной печи не встретилось. Из отдельных находок верхнего слоя Ер-кургана можно особо отметить керамическую плитку с штампованными изображениями горного зла и зайца (рис. 4); длина плитки 7,1 см. Не менее интересны найденные здесь фрагменты оссуария и терракотовое изображение головы женщины европеоидного типа; последняя находка позволяет предположить, что некоторая часть населения древнего рода принадлежала к согдийско-таджикской этнической группе.

Для датировки последнего периода в жизни города, наряду с археологическими материалами, удалось привлечь одно указание письменных источников, ранее никем не использованное. В китайской хронике Бейши (История Северных дворов— 386—618 гг.) среди других «малых владений» «Западного края» упоминается владение «Ношеболо»: Ношеболо. Ношеболоский владетель имеет пребывание в городе Боло, от Ньюми на юге, от Дай в 23428 ли. Земля ровная; произрастает рис, пшеницу и разные плоды³.

Сведения Бейши о Ношеболо относятся именно к изучаемому нами району — Каршинскому оазису, который это свое название получил лишь в XIV в., после того как чагатайский хан Кебек (1318—1326) построил там себе дворец⁴. До этого времени оазис и его главный город назывались «Несеф» — название, происшедшее из древнего названия оазиса — «Нахшеб». Макдисс пишет: «Несеф назывался драгоценным шахшебом»⁵. «Ношеболо» китайских источников вполне можно отождествлять с Нахшебом, так как в дополнение к указанию, что Ношеболо находится к югу от Ньюми (Бухара), мы еще имеем свидетельство в той же хронике Бейши, что от владения Ши (Кеш, Шахрисябз) на запад до владения Нашебо⁶ — 200 ли, что соответствует географическому взаиморасположению современных Шахрисябза и Карши.

Кроме этих сведений, в дальнейшем тексте хроники имеется также указание, что город Боло избрал своей резиденцией владетель Большого Юечжи⁷ после того, как он решил отказаться от опасного соседства с жужанами. Владетелем Большого Юечжи назывался Цидоло⁸ (Ки-то-ло, Кидар), — личность, известная

¹ Более подробное описание печи находится в указанной выше статье автора, стр. 113—116.

² В. А. Шишкин, «Курган» и мечеть Чор-сутун в развалинах старого Термеза, ИАН Уз. ССР, Термезская археологическая экспедиция, т. II, Ташкент, 1945, стр. 125 сл.

³ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, М.—Л., 1950, т. II, стр. 264.

⁴ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 90.

⁵ Bibliotheca geographorum arabicorum, III, 282. Ed. M. J. De Goeje, 1877.

⁶ Н. Я. Бичурин, ук. соч., стр. 274 сл. Бесспорно, что Ношеболо и Нашебо — название одной и той же местности Нахшеба. Проф. Н. В. Кюнер в беседе с автором указал, что различие в написании может быть объяснено тем, что здесь составитель использовал различные источники без их согласования. В находящемся в печати указателе племенных и географических названий (проф. Н. В. Кюнер ознакомил автора с корректурным оттиском указателя к сочинению Н. Я. Бичурин «Собрание сведений...», т. III, Приложения) прямо указывается: «Нахшеб, ср. Нашебо, Ношеболо» и далее: «Ношеболо — влад. (Нахшеб)».

⁷ Н. Я. Бичурин, ук. соч., стр. 264.

⁸ Там же.

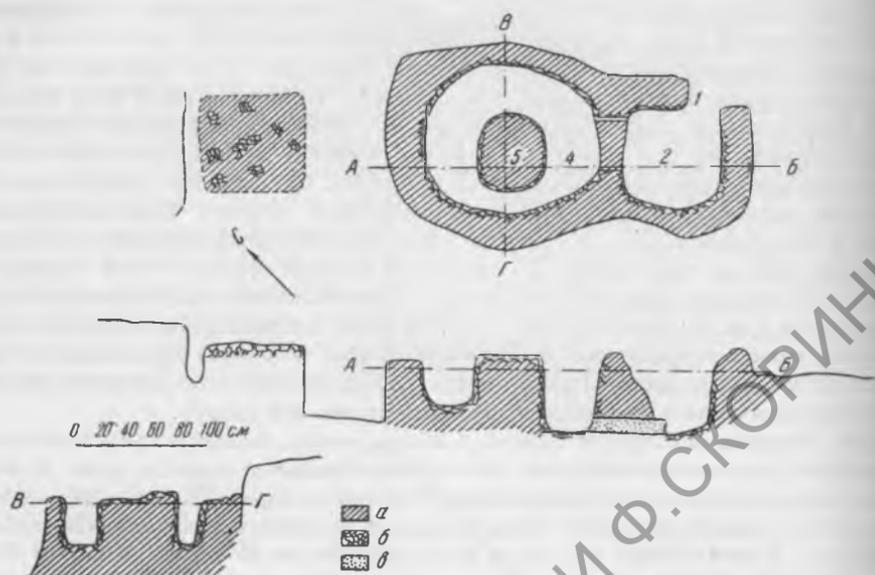

Рис. 2. Ер-Курган. Гончарная печь, план и разрезы печи. 1—устье топки; 2—топка; 3—жаропроводное отверстие; 4—обжигательная камера; 5—опорный столб; а—стены печи; б—ошлакованные поверхности; в—зола

Рис. 3. Ер-Курган. Тонкостенная чаша из комплекса гончарной печи

не только китайским, но и греческим историкам¹, что дает возможность связать некоторые исторические события с городом Боло.

Прямое указание китайских источников на то, что город Боло находился в Ношеболо (Нахшебе), в научной литературе отмечено только Н. И. Веселовским². Н. И. Веселовский решительно отвергает мнение Клапрота, предполагавшего, что Боло следует идентифицировать с Балхом³, однако и после работ Веселовского этой идентификации придерживался А. Гудсмид⁴. И. Маркварт выдвинул новую точку зрения на этот вопрос, утвердившуюся в научной литературе⁵. Он идентифицировал Боло с городом Балхан, находившимся близ возвышенности Малый Балхан, восточнее современного Красноводска, и отождествил город Боло (По-ло) китайских источников с городом «Валаам» византийского автора Приска Панийского⁶ (до Маркварта последнее отождествление высказал Н. И. Веселовский)⁷.

Маркварт при идентификации Боло (По-ло) приходил, во-первых, из сходства в произношении названий городов, во-вторых, — из указаний Бейши об удаленности того или иного города от столицы Северной Династии Дай (Тай), находившейся на территории современной провинции Хэнань⁸. Маркварт указал, что нельзя По-ло идентифицировать с Балхом, так как последний упоминается в той же летописи Бейши под другим названием (Поч-жи, Бочжи).

Однако еще В. В. Бартольд подверг сомнению идентификацию Маркварта Боло — Балхан и привел пример, из которого видно, что если без надлежащей критики подойти к цифровым данным китайских источников, то Фергана окажется западнее Балха⁹, тогда как в действительности дело обстоит наоборот.

Рис. 4. Ер-Курган. Комплекс гончарной печи. Керамическая плитка с штампованными изображениями горного козла и бегущего зайца

¹ Н. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941 стр. 49.

² Н. И. Веселовский, Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего, СПб., 1877, стр. 7. Н. И. Веселовскому не было известно географическое положение Ношеболо (см. ук. соч., стр. 8).

³ Н. И. Веселовский, ук. соч., стр. 15.

⁴ A. G u d s c h m i d, Geschichte Irans und seiner Nachbarländer, Tübingen, 1888, стр. 169.

⁵ Н. Пигулевская, ук. соч., стр. 54; К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский и М. Э. Воронец, История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, 1950, стр. 134; A. C h r i s t e n s e n, L'Iran sous les Sassanides, Copenhagen, 1944, стр. 287.

⁶ J. M a r q u a r t, Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenc'i; «Abhandlungen der K. Gesellschaft zu Göttingen, Philologisch-Historische Klasse», Neue Folge, т. III, № 2, Berlin, 1901, стр. 55.

⁷ Н. И. Веселовский, ук. соч., стр. 14 сл.

⁸ J. M a r q u a r t, Wehrot und Arang, Leiden, 1938, стр. 34.

⁹ В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в., Ташкент, 1902, стр. 28.

В данном случае в Бейши указывается, что Ношеболо находится к югу от Ньюми (Бухара), но если обратиться к цифровым данным, приведенным здесь же, то окажется, что Ношеболо расположено значительно западнее Ньюми, так как последнее находится в 12 820 ли от Дай¹, а Ношеболо — в 23 428 ли от этого же города. Повидимому, в последнем случае имеет место описка (вместо цифры «1» впереди ошибочно поставлена цифра «2»), но если и внести соответствующую поправку, то все же окажется, что Ношеболо (Нахшеб) немного западнее Ньюми (Бухара), тогда как в действительности Нахшеб расположен к юго-востоку от Бухары. Следовательно, использовать цифровые данные китайских источников возможно только в сопоставлении с другими данными.

Более существенным в определении местонахождения города Боло является вопрос: допускала ли общественно-политическая обстановка того времени основание кидаритами своей столицы близ берегов Каспийского моря и согласуется ли идентификация Маркварта с данными исторических источников. Уже В. В. Бартольд отметил, что если согласиться с мнением Маркварта, то трудно будет объяснить тот факт, что после поражения, понесенного от Пероза, кидариты ушли в Индию². Н. В. Пигулевская на основе анализа византийских и сирийских источников, приходит к прямому выводу, что «борьба персов с кидаритами протекала не на западном побережье Каспия, а на северо-восточной границе Ирана»³. А. Кристенсен также приходит к выводу, что кидариты жили к востоку от Талакана⁴, близ северо-восточных границ Ирана. Сопоставление источников о походе Кидара в Индию и покорении пяти государств в Индии также говорит о том, что столица кидаритов не могла находиться близ Каспия, так как в этом случае, отправляясь в поход, Кидар был бы вынужден взять значительную часть своих войск и двинуться в обход враждебного государства в Индию, оставив столицу, не защищенную ни расстоянием, ни естественными преградами, под прямым ударом.

Таким образом, политическая ситуация не благоприятствовала основанию кидаритами столицы у берегов Каспийского моря, почти на самой границе с сильным и враждебным соседом, под постоянной угрозой окружения с суши: такое положение было бы более опасным, чем во время борьбы с жужанами, от соседства с которыми ушли кидариты. Следовательно, идентификацию Маркварта Боло-Балхан надо признать несоответствующей действительности и в определении положения города Боло исходить из указания китайских источников о том, что город Боло находился в Ношеболо (Нахшеб).

Итак, имея в виду прямое указание китайской летописи о том, что в «малом владении» Ношеболо резиденцией правителя является город Боло, и зная, что в этой большой области есть только одно городище, верхние слои которого могут быть датированы временем, близким к Кидару, мы можем с полной уверенностью прийти к выводу, что развалины Ер-курган являются развалинами столицы кидаритов — города Боло. Это обстоятельство, что переводчик нашего источника Н. Я. Бичурин называет городом все оседлые поселения, тогда как в китайских текстах различаются отдельные их виды, не может поколебать нашу идентификацию, так как хотя и есть в оазисе развалины крупных поселений того времени, однако они уступают Ер-кургану как размерами, так и укрепленностью, да и по своей планировке это скорее замки с поселениями, чем города.

Отождествление Боло (По-ло) китайских источников с Валаамом (Балаам) византийских ни у кого из исследователей не вызывало сомнений. В сообщении Приска

¹ Н. Я. Бичурин, ук. соч., стр. 260.

² В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 28.

³ Н. В. Пигулевская, ук. соч., стр. 53.

⁴ А. Christensen, ук. соч., стр. 287.

⁵ Н. Я. Бичурин, ук. соч., стр. 264.

⁶ А. Н. Бернштам. Н. Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». (Вступительная статья к изданию 1950 г. указанного труда Н. Я. Бичурина, т. I, стр. XL).

Панийского о персидском посольстве к византийскому двору в 468 г. говорится: «В это время пришло из Персии посольство с известием, что Персы одержали победу над Уннами Кидаритами и осаждают город их Валаам. Объявляя об этой победе, они хвастали ею по варварскому обычаю, желая показать, как велика их сила»¹.

Известно также, что после поражения, понесенного от войск Пероза, кидариты во главе с сыном Кидара Кунхасом ушли в Индию, где подчинили себе государство Гупта². Надо полагать, уход кидаритов был связан с потерей ими своего главного города — Валаама (Боло), об осаде которого сообщали в 468 г. персидские послы. На основе показаний китайских источников Маркварт приходит к выводу, что сын Кидара основал государство в Индии около 470 г.³; этот вывод соответствует сложившейся в то время политической ситуации и подтверждает установленное выше положение: кидариты ушли в Индию около 468 года в связи с потерей ими своей столицы Боло (Валаам).

Из этих указаний можно заключить, что город, повидимому, был разрушен и оставлен жителями. Состояние городища Ер-курган подтверждает такое заключение. Рельеф городища и керамические материалы свидетельствуют о том, что город был полностью оставлен в V в., в культурных слоях городища нет никаких признаков, которые свидетельствовали бы о том, что какая-то часть города продолжала существовать после разрушения города.

Государство кидаритов было одним из тех государств древности, «...которые не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения»⁴. Запустение городов в Средней Азии в IV—V вв. наблюдается повсеместно; это явление связано с разложением рабовладельческого строя, вызванным внутренними закономерностями общественного развития. Осада и занятие Боло-Валаама, его разрушение в результате кратковременного иноплеменного вторжения являются эпизодом, ставшим возможным в условиях неустойчивых политических и социальных отношений переходного периода, прежде всего в результате политической раздробленности народов Средней Азии. Общественно-экономические условия не способствовали возрождению города на прежнем месте.

Дальнейшие исследования Ер-кургана, памятника с точно датированными верхними слоями (около 468 г.), могут дать много материала для понимания одного из мало изученных периодов истории народов Средней Азии — периода кризиса рабовладельческой общественно-экономической формации.